

ПРАВО

УДК 34(470.44–25)+929 Тельберг

Г.Г. ТЕЛЬБЕРГ – ДЕКАН ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1918)

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

Статья посвящена короткому, но яркому и насыщенному периоду деятельности на посту декана известного адвоката, правоведа и политического деятеля Г.Г. Тельберга – одного из первых руководителей юридического факультета, учрежденного в составе Саратовского Императорского Николаевского Университета 1 июля 1917 г. по решению Временного правительства. **Ключевые слова:** Тельберг, ученый, правовед, декан, юридический факультет, Саратовский университет.

G.G. Telberg – the First Dean of a Faculty of Law of the Saratov University (1918)

Yu.V. Varfolomeev

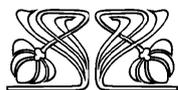
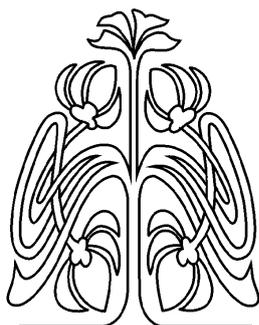
Clause is devoted short, but to the bright and sated period of activity on a post of the dean of the known lawyer, the jurist and politician G.G. Telberg – one of the first heads of the faculty of law founded in structure of the Saratov Imperial Nikolaev University on July, 1st, 1917 under the decision of Temporary government.

Key words: Telberg, scientist, lawyer, dean, faculty of law, Saratov university.

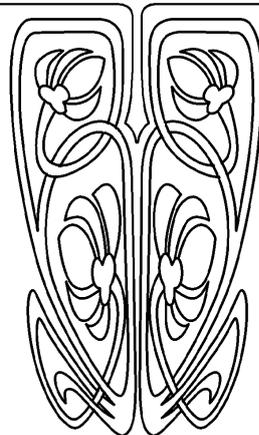
В состав российского классического университета, как правило, входил юридический факультет. Однако при открытии в 1909 г. Саратовского Императорского Николаевского Университета (далее – ИНСУ) изначально был сформирован только медицинский факультет. При этом предполагаемое открытие юридического факультета «...не состоялось не только по финансовым, но и по политическим мотивам...»¹, считают Ф.А. Вестов и Н.Н. Филатов. Между тем на заседаниях Совета ИНСУ неоднократно поднимался вопрос о создании новых факультетов, в том числе и юридического, и лишь 1 июля 1917 г. по решению Временного правительства он был открыт. Новая специальность сразу же стала популярной и востребованной – на первый курс факультета в 1917 г. поступило 428 человек².

До сих пор остается открытым вопрос о том, кто первым возглавил юридический факультет Саратовского университета. По данным А.И. Авруса, первым деканом был Н.В. Болдырев (1882–1929), старший сын барнаульского губернатора, выдающийся отечественный юрист, ученик профессора И.А. Ивановского. В то же время весьма распространенным является мнение о том, что первым деканом был Георгий Густавович Тельберг. Объяснением этого странного обстоятельства, думается, могут служить два соображения. Во-первых, Тельберг был более известен и в России, и за границей как правовед, адвокат, общественный и политический деятель. Во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, именно он как ученый и администратор заложил организационные и материально-технические основы деятельности молодого юридического факультета.

Г.Г. Тельберг родился 27 сентября 1881 г. в Царицыне Саратовской губернии. Его мать – русская дворянка, а отец, Густав Иванович – обрусевший швед, выходец из Финляндии, начальник Саратовской биржевой почтово-телеграфной конторы. В 1899 г. Тельберг с золотой медалью окончил Царицынскую гимназию, а в 1903 г. – юридиче-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ский факультет Казанского университета, где и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Будучи учеником профессора Н.П. Заголкина, он стал специалистом в области истории права и государственных учреждений в России³. В 1904 г. Тельберг был принят помощником присяжного поверенного и в этом качестве неоднократно участвовал в политических процессах в различных регионах страны⁴. В 1905 г. он вступил в конституционно-демократическую партию и стал одним из создателей ее местной организации в Казани. С 1910 г. Тельберг являлся приват-доцентом Московского университета и одновременно читал лекции в Народном университете имени А.Л. Шанявского, на женских педагогических и юридических курсах. В 1912 г. он был избран членом Московского археологического института, за научные труды получил золотую медаль имени М.М. Сперанского. В 1912 г. Тельберга избрали и. д. ординарного профессора Томского университета по кафедре истории русского права, а двумя годами позднее – председателем Совета Юридического общества при университете. В те же годы ученый совершил несколько поездок по Сибири с целью изучения волостных архивов.

До настоящего времени ни в отечественной, ни в зарубежной историографии нет обобщающего монографического исследования о жизни и деятельности Тельберга. В большинстве работ, посвященных этому выдающемуся юристу, ученому и политику, рассматривается в основном период его работы в правительстве адмирала А.В. Колчака⁵, а о научно-преподавательской работе, в том числе и в бытность его деканом юридического факультета Саратовского университета, практически ничего не написано⁶. Летом 1917 г. ординарный профессор Томского университета по кафедре истории русского права Тельберг получил телеграмму министра народного просвещения Временного правительства А.А. Мануйлова с предложением занять должность ординарного профессора на только что открывшемся юридическом факультете Саратовского университета. Тельберг с радостью откликнулся на это предложение. Одной из причин, повлиявших на его решение, стало то, что Саратов находился гораздо ближе к его родному Царицыну, чем Томск.

В начале осени 1917 г. Тельберг прибыл в город, с которым у него было связано много приятных воспоминаний, и Саратов встретил его «...все таким же чистеньким, оживленным и даже нарядным»⁷. Большое впечатление на него произвел комплекс университетских зданий: «В этом храме науки не было той мрачности и тесноты, которые характеризуют здания наших старых университетов, – отметил профессор. – В саратовских коридорах чувствовался размах и оптимизм строителя. Я не знаю имени архитектора, но думаю, что этот человек угадал самое главное, что нужно для университетских настроений: простор, обилие света и оживляющая архитектура цветных барелье-

фов и колонн»⁸. При этом Тельберг был убежден, что «своими чудесными зданиями» Саратовский университет обязан, как он выразился, «самому замечательному государственному деятелю пред-революционной эпохи» – П.А. Столыпину. По его мнению, бывший саратовский губернатор, даже став министром внутренних дел, а затем и председателем Совета министров империи, сохранил к Саратову «как колыбели своей бюрократической карьеры» чувство симпатии и благожелательной опеки, «как крестный сын к своему крестному отцу»⁹.

По прибытии в университет и при знакомстве с коллегами новый сотрудник отметил еще одну характерную особенность молодого «храма науки». Оказалось, что большинство преподавателей прибыли сюда в свое время из Казанского университета. Тем самым, образовалась, по словам Тельберга, «казанская академическая колония». Ту же самую картину он наблюдал и в годы своей работы в Томском университете, что позволило ему сделать такой вывод: «Славный Казанский университет, старинный аванпост русской цивилизации на Востоке, служил рассадником просвещения для Сибири и для Поволжья»¹⁰.

На первых порах Тельберг, как и все преподаватели университета, столкнулся с серьезными бытовыми и материальными проблемами. В городе остро ощущался квартирный кризис, и вновь прибывшим профессорам были отведены комнаты в пустующих лабораториях университета¹¹. Тельберг расположился в одной из таких комнат, разложил свой несложный багаж и приступил к работе. В то же время он отмечал, что всех сотрудников университета – от профессоров до сторожей – сближали до некоторой степени те материальные трудности, которые им приходилось тогда переживать: не было сахара, не хватало муки, трудно было доставать дрова, а дороговизна росла «гигантскими шагами». Получив свое первое месячное жалованье, Тельберг узнал от своего служителя Трофима, что на его профессорские 400 рублей можно купить только 14 кулей муки, и то благодаря деревенским связям последнего.

Между тем молодой профессор быстро втянулся в привычные для него будни академической работы. Несмотря на то что в ноябре 1917 г. в Саратове была установлена советская власть, «ни профессора, ни студенты не чувствовали пока никаких перемен, – вспоминал Тельберг. – В то время как кругом нас бушевали страсти и политические раздоры и новые советские чиновники накладывали свои руки на все общественные учреждения, университет оставался как бы счастливым оазисом: в аудиториях читались лекции, в лабораториях шла своя научная работа <...> студенты занимались, устраивали кооперативы и держали экзамены. Громадная и разношерстная университетская семья как-то сплотилась и жила дружнее, чем раньше»¹². Даже университетские служители были проникнуты чувством некой сопричастности к этому храму

науки и до поры до времени не участвовали ни в каких городских забастовках и демонстрациях. Одним словом, по утверждению Тельберга, «университет жил совершенно нормальной жизнью. Чтение лекций продолжалось полным ходом, и студентов интересовала не столько революция, сколько экзамены»¹³.

Однако «первое облачко» большевистской смуты появилось на университетском небосклоне в феврале 1918 г., когда один из университетских лаборантов, фармацевт по специальности, получил от совдепа назначение на высокую должность «комиссара университета» с бесконтрольной революционной властью «вязать и решить». «Оказалось, что фармация была как бы подготовительной школой советских государственных деятелей первых годов, нечто вроде прославленного “Училища правоведения”, которое было питомником дипломатов и помпадуров в царские времена, – с грустной иронией комментировал это назначение Тельберг. – А мы-то, живя бок о бок с фармацевтами, совершенно не подозревали в них государственных талантов...»¹⁴ После того как «фармацевт» стал фактически высшим университетским начальником, трудно пришлось старому ректору П.П. Заболотнову, который вынужден был побороть свою гордость и по всякому вопросу искать одобрения у комиссара, приспособившись к новым порядкам. «Ведь наша задача была поддержать университетскую жизнь, не дать ей остановиться, предохранить ее от эксцессов и от революционных нелепостей, которые поднимались кругом нас, как болотные пузыри»¹⁵, – объяснял эту позицию декан юрфака.

Действия комиссара, озабоченного химерой классово-борьбы, грубо вторгались во внутренний мир храма науки. Первым делом он организовал союз сторожей и служителей, затем союз фельдшеров и фельдшерниц и, наконец, потребовал, чтобы представители этих новых союзов были допущены как полноправные члены в состав университетского правления. «И вот удивительное дело, – с радостью констатировал Тельберг, – университет как цельный и здоровый организм сам начал вырабатывать свои средства защиты против демагогии»¹⁶. Студенческий союз попросил у ректора разрешения тоже делегировать своих членов в правление для того, чтобы поддержать и укрепить профессорский авторитет в управлении университетом. Заслушав все эти просьбы и не будучи в силах их отклонить, правление их приняло и даже расширило: оно включило в свой состав двух представителей от студенчества, а также от младшего преподавательского персонала, т.е. от лаборантов, ассистентов и приват-доцентов университета. «Это были уже академические деятели, для которых университет был такой же святыней, как и для старо-го профессора»¹⁷, – отмечал Тельберг.

В январе 1918 г. деканом юридического факультета Саратовского университета был А.В. Горбунов, но в феврале прошли новые выборы, и Тельберг сменил его на этой должности. С

самого начала ему как декану второго по численности факультета пришлось председательствовать в отсутствие ректора на первых заседаниях нового правления университета. Сначала Тельбергу показалось это очень трудным делом: ведь пришли новые люди, очень далекие от научно-преподавательского контингента по культурному уровню и к тому же «начиненные до отказа» революционной пропагандой. Однако впоследствии, когда страсти улеглись, работа правления вошла в нормальное русло. Георгий Густавович объяснял это тем, что «авторитет правления был основан не столько на законе, сколько на традиционной доверии всех университетских работников к авторитету профессорской коллегии»¹⁸.

У Тельберга как у декана нового факультета были в то время две важные заботы: «во-первых, построить библиотеку юридического семинария, то есть нужно было закупить книги, обставить комнату полками, столами и стульями, чтобы студенты, занятые разработкой научных вопросов, могли работать в подходящем помещении; во-вторых ... мне хотелось обставить кабинет для декана и комнату для профессоров»¹⁹. По тогдашним ценам на все это нужно было по крайней мере 5–6 тыс. рублей, но ему удалось решить финансовый вопрос, как он выразился, – «с революционной быстротой и простотой...»²⁰. Правление одобрило смету, комиссар-фармацевт написал на протоколе высочайшее «Быть по сему», университетский казначей выписал декану ассигновку на государственный банк, который и выдал причитающиеся ему деньги. Тельберг положил 6 тыс. в портфель, взял в помощь своего служителя Трофима и отправился закупать все, что было необходимо для факультета. Через 3 дня деканский кабинет и юридическая библиотека были обставлены всей необходимой мебелью, а в профессорской комнате появились удобные кресла, на которых преподаватель мог отдыхать в перерыве между лекциями. «Если Саратовский университет, как я надеюсь, существует и сейчас, через 33 года после того как я покинул Саратов, – вспоминал Тельберг в далекой Америке, – то я горд тем, что добыл такие комфортабельные кресла, которых не было тогда даже и в зале Московского университета»²¹.

За короткий отрезок времени, проведенный Тельбергом в Саратовском университете, он, тем не менее, успел сделать еще два выдающихся дела, которыми он заслуженно гордился и которые, по его выражению, доставили ему «большое духовное удовлетворение»²². К первому в прямом и переносном смысле историческому делу он оказался причастен совершенно случайно. Ранней весной 1918 г., около 10 часов утра, проходя вдоль подвальных окон старинного дома, в котором до революции помещались губернские присутственные места, а после революции – Саратовский городской совет рабочих и солдатских депутатов, он увидел громадные шкафы с пустыми полками, с полуотворванными дверцами, а на каменном полу – горы книг в старин-

ных кожаных переплетах и пожелтевших бумаг в старинных канцелярских обложках. «У меня сразу мелькнула мысль, не присутствую ли я при безвременной кончине знаменитого Саратовского губернского архива, в недра которого губернская администрация ревниво не допускала ни одного исторического исследователя, потому что там предполагались секретные дела о Чернышевском и даже о Радищеве»²³, – взором опытного ученого оценил этот книжный развал Тельберг.

От «господ в галифе», шнырявших с деловым видом по коридорам советского учреждения, профессор так и не смог узнать, кто чем заведует и в чьем распоряжении находится разоренный губернский архив. «Оказывается, что все это были члены совдепа, и, как все члены, они ничего не знали, – иронично и точно заметил Тельберг. – О губернском архиве и о том, что происходит в подвале, никто не мог мне ничего сказать»²⁴. В такой обстановке, решил Тельберг, можно бы преспокойно погрузить на ломовые телеги все, что угодно, и на глазах у всего совдепа увезти куда угодно. «Смута в то время была в умах такая, – свидетельствовал он, – что любой памятник с любой площади можно было снять, разобрать и увезти, сославшись просто на какой-нибудь ордер»²⁵. Пока у декана в голове складывались «преступные» планы по спасению архива, Тельбергу удалось, наконец, выяснить, что нужный ему комиссар находится в комнате с апокалипсическим номером «66». Чтобы решить вопрос с вывозом архива, Тельберг позвонил своему университетскому комиссару. В итоге беседа двух «фармацевтов» – университетского и губернского – сразу разрешила все затруднения: профессору была дана санкция увозить архив куда угодно, и даже был выдан ордер на использование двух грузовиков, которые только что отвезли в тюрьму крупную партию контрреволюционеров и теперь стояли порожняком у подъезда.

Между тем выяснилось, что вмешательство Тельберга подоспело вовремя: подвал срочно был нужен для каких-то особо революционных целей, и уже был выдан ордер «на вывоз и уничтожение всей старой бумаги (! – Ю.В.)»²⁶. Тельберг, воспользовавшись благоприятным моментом, дал указания «старшому», под командой которого находились оба грузчика, чтобы он с этими старыми бумагами и книгами обращался бережнее, чем с теми контрреволюционерами, которых он только что отвез в тюрьму, а сам тем временем помчался в университетскую библиотеку и стал советоваться с библиотекарем, нельзя ли привезти губернский архив сюда и разместить между книжными полками. В качестве консультанта по этому вопросу был даже привлечен университетский архитектор, который должен был вынести вердикт, выдержит ли пол библиотеки такое давление. Сверившись с чертежами здания, архитектор сообщил, что половину тельбергского бесценного груза можно сложить в библиотеке, а для размещения другой пришлось использовать «все свободные комнатухи и чуланы

во всем юридическом корпусе»²⁷. Таким образом, весь Саратовский губернский архив был спасен от уничтожения и доставлен в университет деканом юридического факультета. Помогал Тельбергу в этом ответственном деле профессор университета С.Н. Чернов²⁸, который в заметке о деятельности Саратовского Общества истории, археологии и этнографии, написанной в 1921 г. специально для журнала «Наука и ее работники», отметил: «При <...> весьма неблагоприятных обстоятельствах К[омисс]ия при разнообразном содействии родного Университета все же нашла в себе силы для упорной работы по линии своей основной задачи – спасения всего того, что сможет стать для будущего исследователя Историческим источником»²⁹. Таким образом, усилиями университетских ученых весь Саратовский губернский архив был спасен от уничтожения и сохранен для будущих поколений исследователей.

До своего отъезда из Саратова Тельберг успел посмотреть наугад около полусотни старых связок с документами. В двух из них он наткнулся на Пугачевские дела³⁰, а еще в одной – на дела о скопцах. Уезжая из Саратова в Томск, он мечтал о том, что когда он вернется в университет, то обязательно засядет за разборку архивного хранилища. Увы, ему не суждено уже было заняться столь увлекательным и важным делом – за него это сделали другие поколения ученых. Тельберг желал только одного: «Пусть тот историк, который будет изучать по этому архиву большие и малые драмы нашего прошлого, помянет меня добрым словом»³¹.

Кроме спасения губернского архива Тельберг как ученый-археолог участвовал в организации архива расформированных советской властью воинских частей русской армии. Саратов был избран пунктом демобилизации фронтовых частей, выведившихся с Румынского фронта. Делегаты воинских частей являлись в Саратовский совет рабочих и солдатских депутатов для сдачи архивов своих войсковых частей. Советские органы, озабоченные своими революционными проблемами, отмахнулись от этого, на их взгляд, рутинного и маловажного дела и распорядились сдавать войсковые архивы в губернскую архивную комиссию, а «на заседании архивной комиссии приемка этих архивов поручена была 3 членам под моим председательством»³², – вспоминал Тельберг.

Второе дело, которым вправе гордиться декан юридического факультета, – это его активное участие в создании Саратовского коммерческого института, которому, правда, организаторы, следуя духу времени, дали тогда более осторожное название – Экономический институт. В то время Саратов был главным торговым и промышленным узлом Нижнего Поволжья, снабжал грузами огромную сеть юго-восточных железных дорог. В будущем в Экономическом институте решено было создать кафедру мукомольной индустрии, так как среди прочего «мукомольная промышленность была главным созвездием на этом небосклоне. Она на-

ходила главным образом в руках разбогатевших немецких колонистов Поволжья, которым принадлежали в Саратове многоэтажные паровые мельницы, – отмечал Тельберг. – Был большой экспорт саратовской крупчатки в Германию, и немецкие комиссионеры были частыми гостями в Саратове. Наша главная улица называлась Немецкая, и лучший отель на этой улице содержался немцем»³³. Наряду с ними были и русские «тузы» по мукомольной и рыбной части. Несколько раз Тельберг созывал этих немецких и русских магнатов, и они охотно подписывали чеки для Коммерческого института, однако все их вклады в банках были «заморожены» советской властью.

Главной опорой в трудах Тельберга по организации Экономического института, по его признанию, был директор Московского народного банка³⁴ «старый эсер с патриархальной седой бородой», фамилию которого, он, правда, забыл. Прения на собраниях института подчас проходили очень бурно. Спонсоры Коммерческого вуза – представители крупной буржуазии – хотели, чтобы правление института было в их руках, а деятели кооперации, которые тоже субсидировали новое учреждение, требовали себе видной роли в его делах. В создавшейся ситуации обе стороны «крепко уцепились за меня», вспоминал Тельберг: профессор-юрист был нейтральной фигурой, которая уравнивала интересы различных финансовых групп. В целом дела нового учебного заведения под руководством профессора-юриста развивались очень успешно, и на момент отъезда Тельберга из Саратова в кассе нового института было около 5000 руб. наличными и чеков на сумму 100 000 руб.

После октябрьского переворота с революционной поспешностью был уничтожен прежний государственный аппарат. Рушились судебные, административные и правоохранительные органы. В Саратове городская полиция тоже была скоротечно упразднена, а организовать что-либо другое для охраны правопорядка в городе местный совдеп пока еще не успел. «Такова, пожалуй, была общая картина разворачивания революции в стране: изо всех сил спешили разломать старую машину, ведь это было легче всего, а потом, увлекаемые революционным потоком, начинали кустарным способом мастерить новую машину»³⁵, – точно охарактеризовал эту ситуацию опытный правовед Тельберг. Вместо упраздненной полиции жители каждого городского участка образовали свою собственную дружину, и декан юридического факультета Саратовского университета, так же как и все законопослушные горожане, выходил время от времени дежурить в морозную ночь и, как он вспоминал, «...вышагивал свой квартал с добросовестностью околоточного надзирателя недавних времен»³⁶.

Однако размеренная и энергичная деятельность декана юридического факультета и директора Экономического института Г.Г. Тельберга была

неожиданно и драматично прервана чрезвычайными обстоятельствами. В апреле 1918 г. в Саратове вспыхнуло так называемое восстание фронтовиков. После его подавления город захлестнул ожесточенный «красный» террор. В Коммерческом училище, где в квартире директора жил Тельберг, разместился штаб следственной комиссии. Все верхние этажи были заняты арестованными, которых набралось около полутора тысяч человек. «Среди арестованных оказалось очень много студентов и гимназистов, – вспоминал Тельберг, – то ли они действительно приняли участие в восстании фронтовиков, то ли их сознательно и умышленно старались припутать к этому делу»³⁷. Комиссия из трех лиц, заседавшая почему-то в физическом кабинете Коммерческого училища, выносила приговоры, которые тут же во дворе училища приводились в исполнение. «Арестованного юнца приводили в физический кабинет два конвойных, и здесь, после пяти минут допроса, полуграмотному конвойному выдавался лоскуток бумаги размером с блюдечко, на котором было нацарапано имя обвиняемого и затем роковое слово “расстрелять”», – описал процедуру советского скорострельного «правосудия» профессор-юрист. Число расстрелянных за эти дни, по непроверенным данным, достигло тысячи человек, а когда под занавес кровавого чекистского шаша в Саратов приехал в специальном поезде «демон революции» Л.Д. Троцкий, в услужу высокому гостю были расстреляны еще около 200 человек, среди них был сын одного из профессоров Саратовского университета, схваченный на улице, когда он бежал в аптеку.

Эти трагические дни могли стать роковыми и для декана юрфака. Однажды ночью в комнату Тельберга ворвались три латышских стрелка. Оказывается в соседней квартире директора Коммерческого училища проходил обыск, и они заодно нагрянули и в квартиру директора Коммерческого института. На беду Тельберга в его письменном столе был обнаружен гектографированный бюллетень областного съезда конституционно-демократической партии. Хотя в бюллетене и не было ничего предосудительного, но в той ситуации всякий пустяк мог привести к быстрой расправе, и профессор был отконвоирован в штаб латышского полка для допроса. Неизвестно, чем бы закончился этот арест, но, к счастью для Тельберга, молодой латыш-чекист, проводивший допрос, узнал его: «Вот, господин профессор, где привелось встретиться»³⁸.

Оказалось, что он был слушателем Тельберга в московском народном университете им. А.Л. Шанявского³⁹. Профессор, конечно, не мог помнить всех своих слушателей, но студенты, как правило, помнят своих преподавателей. Молодой латыш распорядился освободить Тельберга и посоветовал ему на прощание дня два посидеть дома. «Это было нечто вроде совета доктора пациенту, схватившему легкий насморк. “Теперь много случается на улицах”, – сказал он двусмысленно. Под слу-

чайностью разумелась в то время человеческая жизнь»⁴⁰, – невесело резюмировал Тельберг. И действительно, не искушая судьбу, по совету своего бывшего студента – латыша-чехиста, Тельберг в мае 1918 г. сдал деканство профессору А.В. Горбунову, устроил последнее совещание по делам Экономического института, сел в поезд и уехал в Томск, где уже находилась его семья.

В Сибири вчерашний адвокат, правовед и декан юридического факультета Саратовского университета оказался в центре бурных политических событий: работал сначала управляющим делами Временного правительства, затем управляющим делами Верховного правителя и Совета министров и одновременно министром юстиции Российского правительства. 14 декабря 1919 г. он выехал за границу, где продолжил научную и преподавательскую деятельность. Был профессором истории русского права юридического факультета в Харбине, читал лекции по русской истории, государственному праву, а затем преподавал в Американской академии и в Высшем японском коммерческом колледже в Циндао. После Второй мировой войны Г.Г. Тельберг переехал в США, где в 1954 г. и закончился его жизненный путь.

Примечания

- ¹ Вестов Ф.А., Филатов Н.Н. Юридический факультет Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского // Изв. Саратов. ун-та. Нов. серия. 2007. Т. 7. Серия Экономика. Управление. Право, вып. 1. С. 62.
- ² Там же.
- ³ Научные труды Г.Г. Тельберга: Происхождение Комитета министров в России // Журнал министерства народного просвещения. 1907. Март; Сенат и «право представления на высочайшие указы». (Очерк из истории консервативных политических идей в России начала XIX века) // Журнал министерства народного просвещения. 1910. Январь; Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912; Правительствующий Сенат и самодержавная власть в начале XIX в. М., 1914; Волостные архивы в Сибири: Археографические очерки. Вып. I. Томск, 1917; Последние дни Романовых. Нью-Йорк, 1922; Судебники великого князя Ивана III и царя Ивана IV: Учеб. пособие. Харбин, 1926. (редактор); Идея войны в новом международном праве // Изв. юрид. фак. 1927. Т. 4; The Conception of War in the Modern International Law. Peking, 1927; Заря христианства на Руси: Исторические очерки. Шанхай, 1939.
- ⁴ Наиболее известный и скандальный судебный процесс, на котором он выступил в качестве защитника, – дело о краже Казанской иконы Божьей матери. В 1905–1908 гг. Тельберг как политический защитник из синергии «Молодая адвокатура» участвовал в ряде крупных политических процессов в Уфе, Оренбурге и других городах Урала и Северо-Востока России.
- ⁵ См.: Мальшева С.Ю. Георгий Тельберг – министр российского правительства адмирала А.В. Колчака // Белая армия. Белое дело. 1997. № 3; Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции. 2000; Раков В.В. Министр «полустанка» (Г.Г. Тельберг) Симферополь, 2003; Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001; Балмасов С.С. Отряды особого назначения и борьба против партизанского движения в Сибири колчаковских правительственных структур // Белая гвардия: Альманах. «Антибольшевистское повстанческое движение». 2002. № 6. С. 72–76; Он же. Функционирование органов власти антибольшевистских правительств Сибири. 1918–1920 гг. // Белая гвардия: Альманах. «Белое движение на востоке России». 2001. № 5. С. 3–11.
- ⁶ См.: Некрылов С.А. История становления и развития научных школ и направлений в Томском университете в дореволюционный период: Учеб. пособие. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/22535> (дата обращения – 25 ноября 2009 г.).
- ⁷ Тельберг Г.Г. Университет жил совершенно нормальной жизнью / Публикация Валерия Осина // Источник: Документы русской истории. 1998. № 3 (34). С. 74.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 75.
- ¹¹ По воспоминаниям жены знаменитого русского ученого, первого декана историко-филологического факультета Саратовского университета С.Л. Франка Татьяны Сергеевны, осенью 1917 г. началось «совсем трагичное время»: пришли большевистские комиссары и заявили, что в отдельных квартирах теперь жить не полагается, и вселили в их квартиру семью профессора Н.В. Болдырева, а затем еще и профессора С.В. Меликову (подробнее см.: Действительно свободные: Татьяна Сергеевна Франк о первых годах революции / Подготовка текста и публикация Ивана Толстого. URL: <http://rulife.quetzal.ru/magazine/detail.php?ID=3972&print=Y>) (дата обращения – 27 ноября 2009 г.).
- ¹² Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 75.
- ¹³ Там же. С. 80.
- ¹⁴ Там же. С. 74.
- ¹⁵ Там же. С. 75.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 77.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 78.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 79.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 80.
- ²⁸ Подробнее см.: Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006. С. 148.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 376. Л. 2-2об.
- ³⁰ Это открытие, однако, стоило ученому вывихнутой правой руки: когда он старался втиснуть на верхнюю

полку «драгоценный Пугачевский том», то упал с библиотечной лестницы.

³¹ Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 80.

³² Там же.

³³ Там же. С. 82.

³⁴ Московский народный банк был основан в 1918 г. кооперативными обществами и имел свои филиалы в крупных городах России.

³⁵ Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 82

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Полное официальное название этого муниципального учебного заведения Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Университет был основан в 1908 г. по инициативе либеральной интеллигенции Москвы на средства генерал-майора в отставке А.Л. Шанявского и по уставу находился в ведении Городской думы. Университет имел два отделения: научно-популярное (4 года обучения по программам общего среднего образования) и академическое (3 года по университетским программам естественно-исторического, общественно-юридического и историко-филологического профилей), был закрыт в конце 1918 г.

⁴⁰ Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 82.

УДК 347.6 [47+57] (09)

ПЕТР I И СОЗДАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ШКОЛЫ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВУ»

Л.Е. Васильева

Саратовский государственный университет
E-mail: jurid@info.sgu.ru

XVIII век заложил основы российского образования, которое опиралось на европейскую культуру и науку, в то время значительно опередившую в области образования патриархальную Россию. В Петровскую эпоху государственная служба носила централизованный характер и единообразие в масштабах всей страны, в связи с чем и открытие новых учебных заведений постепенно стало переходить в ведение государства. Это было вызвано, прежде всего, острой потребностью государства в грамотных, знающих чиновниках. Подготовка кадров для нового государственного аппарата стала осуществляться в специальных школах и академиях в России и за рубежом.

Ключевые слова: государственная служба, развитие образования, Петр I.

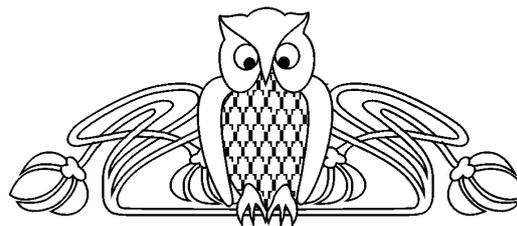
Peter I and the Creation of the Concept of «Schools Service to the State»

L.E. Vasileva

XVIII century laid the foundations of Russia's education, which was based on European-ical culture and science, while much ahead in the field of education pat-riarhalnuyu Russia. In the era of Peter the public service wore a centralized structed nature and uniformity throughout the country, so the opening of new schools gradually began to take in the conduct of the state. It was vyzva, but especially acute need for the state in literacy, knowledgeable officials. Training for the new state apparatus was carried out to special schools and academies in Russia and abroad.

Key words: public service, development of education, Peter I.

Государственная служба России начала складываться по мере становления самой государственности. В Киевской Руси IX–XI вв. отдельные функции или руководство отраслями княжеского дворцового хозяйства осуществляли тиуны и старосты. Первоначально категория людей, управляющих княжеским двором, была

зависима. Со временем эти дворцовые управители превращаются в управляющих отраслями княжеского хозяйства.

Активно стала развиваться государственная служба в период образования Московского централизованного государства, так как создается централизованный государственный аппарат. Развивается система приказов как центральных органов с жестким подчинением по вертикали и строгим руководством по горизонтали. На местах при воеводах также создаются специальные аппараты управления¹. Складывается иерархия придворных чинов, даваемых за службу: окольничий, дворецкий, казначей, чины думных дворян, думных дьяков². Большинство из них получало начальное образование в семьях, а затем развивало и углубляло его на практической службе, перенимая опыт у старших.

Таким образом, к XVII в. в России развилась приказно-воеводская система управления. Для дворян и иных служивых сословий государственная служба была обязательна. Основой ее были земельные наделы, личные заслуги, родовитость. Развивается и законодательство, регламентирующее службу. Это Судебники 1497 г. и 1550 г., Соборное Уложение 1649 г., великокняжеские, а затем царские указы. Важнейшей проблемой становятся развитие сферы образования и подготовка кадров для государственной службы.

В начале XVII в. и позже, в годы царствования Алексея Михайловича, инициатива создания учебных заведений принадлежала частным лицам при поддержке церкви. Большинство частных учебных заведений того времени давало элементарное образование. Как правило, здесь приходящих детей обучали чтению, письму и счету, а учителями